

Б. В. АНАНЬИЧ, Р. Ш. ГАНЕЛИН

Р. А. ФАДЕЕВ, С. Ю. ВИТТЕ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ «ОХРАНИТЕЛЕЙ»
В 1881—1883 гг.

Из нескольких сот участников «Святой дружины», конспиративного сообщества для борьбы с революционным движением, основанного после 1 марта 1881 г., С. Ю. Витте был едва ли не единственным, рассказавшим в воспоминаниях об этой организации.

Сообщенные Витте сведения о его собственной роли в создании «Дружины» были встречены с недоверием.¹ Однако теперь достоверность всех трех известных нам вариантов воспоминаний Витте о «Дружине» несомненна.²

Весьма важный в рассказе Витте вопрос о возникновении «Дружины» был изложен довольно точно — в соответствии с письмом по этому поводу от 14 марта 1881 г., которое он получил в Киеве из Петербурга от своего дяди генерала Р. А. Фадеева. Письмо это представляло собой ответ на предложение Витте создать охранительную организацию на добровольных началах. Витте как будто не погрешил в мемуарах против истины, но весь

¹ См.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. М., 1960, стр. 522—523, прим. 29.

² Помимо соответствующей главы «Воспоминаний» — «О сообществе „Святая Дружина“ и моем участии в нем», мы имеем в виду статью А. Р—ова в «Русском слове» в июне 1913 г. (см. прим. 30 к т. I «Воспоминаний», стр. 523), а также записанный Клейнмихель рассказ Витте о его участии в «Дружине». См.: Графиня М. Клейнмихель. Из потопившего мира. Мемуары. Пгр.—М., 1923, стр. 12—18. И. В. Гессен, встречавшийся с Витте, а после его смерти оказавшийся в эмиграции издателем его мемуаров, отмечал, что в «деловой беседе» с ним Витте, когда речь зашла о «Дружине», проявил «странную уклончивость при полной словоохотливости на другие темы». См. запись В. Я. Богучарского: ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 169, Выписки из книг, черновые заметки, отрывки статей к работе В. Я. Богучарского «Св. Дружина», л. 186.

эпизод с «Дружинной» и своим в ней участием изобразил как малозначительный и даже курьезный, умолчав о многом, касавшемся не только его самого, но и генерала Фадеева, хотя посвятил Фадееву одну из глав своих мемуаров.

В действительности же курьезная на первый взгляд история организации «Дружины» была связана с острой политической борьбой за власть и влияние на царя в окружении Александра III. Вите был хотя и инициативным, но третьестепенным персонажем в этой борьбе, а его политический наставник Фадеев принимал в ней участие в качестве автора определенной программы государственных преобразований. Он представлял собой одну из примечательных фигур 70-х и начала 80-х годов.

Еще в начале 60-х годов Р. А. Фадеев выступил как военный публицист с сочинениями, посвященными истории покорения Кавказа и восхвалявшими политику наместника на Кавказе — князя А. И. Барятинского. Особенную известность Фадееву принесли «Письма из Кавказа М. Н. Каткову» (1865 г.). По замечанию одного из единомышленников Р. А. Фадеева В. В. Комарова, «блестящее изложение того, что Р. А. предполагал в думах и намерениях князя Барятинского и чего, однако, до писем Р. А. Фадеева князь Барятинский не высказывал, сообщило всем действиям наместника связность и блеск».³ И в дальнейшем литературная деятельность Фадеева отражала политические интересы Барятинского и его сторонников. В конце 60-х годов он вел кампанию в печати против военной реформы Д. А. Милютин, отстаивая интересы Барятинского и его группы, которая пользовалась сочувствием наследника престола вел. кн. Александра Александровича, будущего Александра III.⁴ В ходе печатной полемики с Милютиным появилось большое количество статей Фадеева на военные темы и его труд «Вооруженные силы России», обратившие на себя внимание в Европе.

В середине 70-х годов Фадеев выступил с программой политического переустройства, предусматривавшей сосредоточение власти в руках обособленного аристократического кружка, просвещенного и снабженного всеми полномочиями. Эти взгляды Фадеев развил в газете «Русский мир», основанной отставным полковником В. В. Комаровым и генералом М. Г. Черняевым для полемики с Милютиным. Статьи Фадеева из «Русского мира» были изданы затем отдельной книгой под названием «Русское общество в настоящем и будущем. Чем нам быть?» (СПб., 1874).

И на сей раз Фадеев был вдохновлен князем Барятинским и графом П. А. Шуваловым, представителями «аристократической

³ Свет, 5 (17) января 1884 г., № 4.

⁴ См. об этом: П. А. Зайончковский. Военные реформы 1860—1870 годов. М., 1952.

партии», «черпавшей свои идеалы из европейской истории, преимущественно английской», агитировавшей за создание «русского лордства», с ненавистью относившейся к «бюрократии» и реформам 60-х годов.⁵ Программа «лордов» встретила резкие возражения со стороны славянофилов. Ю. Ф. Самарин в брошюре «Революционный консерватизм» высмеял идеи Фадеева как минимум охранительные и обвинил его в попытке запугать правительство и подтолкнуть его на путь ломки сделанного в эпоху реформ.⁶ Брошюра «Революционный консерватизм» была опубликована в Берлине в 1875 г., однако еще до этого в рукописи стала известна в Петербурге и, видимо, произвела в «сферах» невыгодное для Фадеева впечатление.

Потерпев поражение в полемике с Ю. Ф. Самариним, Фадеев уехал в Египет. По ироническому замечанию А. С. Суворина, «поражение его было настолько полное, что он даже в Африку съездил, чтобы преветриться и забыть все удары».⁷ В соответствии со своими панславистскими планами Фадеев рассчитывал, что одновременно с восстанием славян египетский хедив выступит против Турции, и занял с помощью посла в Константинополе графа Н. П. Игнатьева пост руководителя армии хедива.

После русско-турецкой войны обстоятельства позволили Фадееву опять появиться на петербургской политической сцене, и он решил принять участие в «охранительных» исканиях конца 70-х и начала 80-х годов. 11 апреля 1879 г. Р. А. Фадеев обратился к Александру II с письмом, содержавшим программу государственного переустройства.⁸ Р. А. Фадеев развил и уточнил эту программу в приложении из трех частей (I. Смысл революционного движения в России. II. К чему все идет в России. III. Един-

⁵ Незнакомец [А. С. Суворин]. Письма к другу. XIV—XVI. Новое время, 3 (15), 4 (16) января 1884 г. №№ 2819, 2820. «Партия лордства, — писал А. С. Суворин, — выступала, как само собою разумеется, под знаменем консерватизма, хотя этот консерватизм вовсе не исключал некоторого парламентаризма».

⁶ Ю. Самарин. Письмо к Р. Фадееву по поводу его книги «Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть)». В кн.: Ю. Самарин и Ф. Дмитриев. Революционный консерватизм. Berlin, 1875. И. С. Аксаков писал Фадееву по поводу «Чем нам быть?», что он «со многим не согласен», но признает верность фадеевской критики и «многих, даже основных положений» книги. «Ваше „денсовое дворянство“, — писал далее Аксаков, — по моему мнению, отзывается сочинением, по таким же сочинением было и есть наше земское и сельское самоуправление» (ЦГАИ СССР, ф. 1100, оп. 1, д. 36). Фадеев отвечал, что видит в предлагаемом им «культурном сословии государственных избирателей» средство сосредоточить общественную деятельность «в руках культурных людей» (Р. А. Фадеев — И. С. Аксакову 15 ноября 1874 г. РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, д. 639, л. 4—5).

⁷ Новое время, 7/19 июня 1881 г., № 1893.

⁸ Всеподданнейшее письмо Р. А. Фадеева 11 апреля 1879 г. ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 512, л. 1—10.

ственный исход.) к письму 11 апреля,⁹ в письме графу Д. А. Милютину 25 октября 1879 г.¹⁰ и, наконец, в так называемой «дополнительной заметке», датированной 19 декабря 1879 г.¹¹

Опираясь на эти документы, Р. А. Фадеев вместе с генерал-адъютантом И. И. Воронцовым-Дашковым подготовил рукопись книги «Письма о современном состоянии России. 11-го апреля 1879—6-го апреля 1880». Из 12 писем, составивших рукопись, датированы были только первое и последнее. Второе—девятое письма представляли собой переработанное и приготовленное для печати приложение к письму 11 апреля, а одиннадцатое — переработанное письмо к Д. А. Милютину 25 октября 1879 г. Десятое же письмо целиком принадлежало перу И. И. Воронцова-Дашкова.

В «Письмах о современном состоянии России» программа преобразований И. И. Воронцова-Дашкова и Р. А. Фадеева обрела законченный и готовый для печати вид.¹²

Смысл предлагавшихся Фадеевым преобразований состоял в укреплении самодержавия путем приписания ему надежной политической опоры. Он исходил при этом из того, что «единственной и исключительной» формой общественного устройства было в России «развитие бюрократической опеки до крайнего предела». Между тем, утверждал он, после реформы 1861 г. «крупное поместное дворянство, бывшее действительным продолжением правительства, улетучилось неизвестно куда», а «непомерно громадный бюрократический механизм» заражен «нигилизмом» и вообще чуть ли не «красный».¹³ Непосредственную опасность строю Фадеев усматривал в слабости его охранительных институтов, неспособных привлечь себе на помощь в борьбе с «нигилизмом» «благонамеренные» общественные силы. «Наше правительство своих не знает, — утверждал он, — ... русский человек, без казенного предписания, имеет только номинальное право, но не имеет возможности присмотреть за чем-нибудь».¹⁴ Специальной критике подвергал Фадеев «бюрократические меры» «воздействия на печать» — «произвольную полу-карательную

⁹ Приложение к всеподданнейшему письму 11 апреля 1879 г. ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 514, л. 1—9.

¹⁰ Особое приложение к всеподданнейшему письму. Письмо графу Д. А. Милютину подано 25 октября 1879 г. ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 514, л. 40—47. Помимо этого «гласного», существовал также другой вариант письма Д. А. Милютину. ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 511, л. 17—18.

¹¹ «Дополнительная записка» 19 декабря 1879 г. ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 512, л. 11—16.

¹² Характеристику взглядов Фадеева и поданных им в это время записок см.: П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964, стр. 194—197.

¹³ Письма о современном состоянии России. Изд. 3. СПб., 1881, стр. 5, 9, 29.

¹⁴ Там же, стр. 5, 13.

онску главного управления по делам печати», преследование «не столько вредного, сколько неприятного». Нигилистская печать пользовалась, по словам Фадеева, снисхождением, научившись «сказать все желаемое в пол-слова», славянофилы же были выпуждены печататься за границей.¹⁵

Способ укрепления самодержавия Фадеев видел в развитии организованного земства, тесно связанного с правительством. Земство он считал силой, способной не только осуществить все местное управление, но и воплотить идею «единения царя с народом». Фадеев рассуждал при этом о «живом народном самодержавии» и «земском царе». Он всячески старался доказать, что его программа («наша родная конституция») чужда западного конституционализма. что она признает «царя царем, а не главой исполнительной власти».¹⁶ Но наряду с этим он подчеркивал, что самодержавие не может далее вести подданных к «тайнственным целям» «бессознательно» для них самих. Выход он видел в восстановлении допетровских государственных форм, в частности земских соборов.¹⁷

Ближайшей мерой для развития земского дела он считал активизацию деятельности губернских комитетов, предлагая предоставить им право выработать план областного управления, основанный на сочетании административных и земских учреждений. Земским учреждениям надлежало, по мысли Фадеева, заниматься улучшением народного быта, переселением, проблемами сословной волости, круговой поруки. Эта несколько усовершенствованная и видоизмененная по сравнению с «Чем нам быть?» программа получила одобрение И. С. Аксакова.¹⁸

Причисленный к лорис-меликовской Верховной распорядительной комиссии в феврале 1880 г., Фадеев добивался опубликования «Писем». В июле 1880 г. Милютин, Лорис-Меликов и Гирс рассмотрели «Письма» по поручению царя и высказались за издание их за границей. Однако министр внутренних дел Л. С. Маков помешал этому. И только в начале 1881 г. Фадеев получил наконец, согласие Александра II на опубликование «Писем» за границей.¹⁹

Между тем политическая борьба в верхах крайне обострилась, и судьба фадеевских замыслов оказалась в зависимости от ее исхода. Как известно, летом 1880 г., когда после смерти импе-

¹⁵ Там же, стр. 40—43.

¹⁶ Там же, стр. 12.

¹⁷ Там же, стр. 68, 126, 143.

¹⁸ Как отмечал С. Ю. Витте вскоре после смерти Фадеева, «Письма о современном состоянии России сблизили покойного с воззрениями Хомякова, Самарина, Достоевского». «Впрочем, этот кружок, — писал Витте, — несмотря на разногласия, всегда относился к нему с уважением» (С. Ю. Витте — А. С. Суворину, б. д. ЦГАЛИ, ф. 457, оп. 1, д. 719, л. 54).

¹⁹ Р. А. Фадеев — И. С. Аксакову, б. д. (1881 г.). РО ИРЛИ, Архив Аксакова, ф. 3, оп. 4, л. 639, л. 8—9.

ратрицы Александр II начал приготовления к коронации своей мorganaticкой жены княгини Юрьевской, между ним и Лорис-Меликовым, с одной стороны, и наследником — с другой, возник конфликт.²⁰

Об отношениях, существовавших накануне 1 марта 1881 г., и о настроениях противников княгини Юрьевской дает возможность судить уже упоминавшееся письмо Фадеева к Витте 14 марта 1881 г. «Я спрашивал у людей, самых близких покойному государю, — писал Фадеев, — постигают ли они продление прошлого царствования на 10 лет и что из нас вышло бы в таком случае? Они ответили в один голос, что не постигают. Доходило до того, что люди, сросшиеся с покойным, — Адлерберг, Милютин и Вердер — хотели отшатнуться, оставить места вследствие домашних интриг и новых людей, влезавших из щелей женской половины Зимнего дворца. В августе было назначено ее коронование, и главное влияние утвердилось бы в совершенно невозможных руках. Об этом не нужно говорить, чтобы не ослабить крушающегося впечатления, которое может в текущее время объединить и скрепить нравственно Россию. Но там, выше, где управляют участью земною, лучше знают, что и для чего делается».²¹

После воцарения Александра III Фадеев еще решительнее стал вести борьбу за торжество своей политической программы и усиление собственного влияния. Прежде всего он представил царю через И. И. Воронцова-Дашкова письмо С. Ю. Витте с проектом организации «Святой дружины», который вскоре был осуществлен.

Обстоятельства, казалось бы, благоприятствовали Фадееву. Падение Лорис-Меликова привело к переходу власти в руки лиц, ранее принадлежавших к окружению наследника, а затем ставших вокруг трона.

Одним из первых значительных действий, отражавших повое направление в политике, явилось издание Александром III ма-

²⁰ Вот как описано его происхождение в воспоминаниях товарища министра государственных имуществ, а с 1883 г. управляющего делами Комитета министров А. П. Куломзина. «Повелено было найти в архиве Министерства двора церемониал коронования Петром Великим Екатерины I. Узнав об этом, наследник объявил, что если произойдет это событие, то он с женой и детьми уедет в Данию, на что последовала со стороны Александра II угроза в случае такого отъезда объявить наследником престола сына, рожденного до брака от Юрьевской Георгия, которому было в то время около 15 лет. Лорис в хлопотах о примирении сына и отца склонил наследника последовать призыву Александра II приехать на осень в Ливадью, причем Лорис удостоверил, будто Юрьевская продолжает, как и ранее, жить на своей даче между Ливадией и Ялтой, а покой покойной императрицы Марии Александровны остаются незанятыми. На деле оказалось обратное, и ложь Лориса обнаружилась» (Воспоминания А. П. Куломзина. РО ГБЛ, ф. 178, картон 9803, ед. хр. 6, л. 37). Ср.: Н. А. Зайончковский. Кризис самодержавия, стр. 233.

²¹ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. Комментарий 28, стр. 521—522.

манифеста 29 апреля, получившего «в публике» прощическое название «ананасного» из-за фразы: «а на нас возложить священный долг самодержавного правления». Манифест, провозгласивший намерения правительства не идти ни на какие уступки, был восторженно встречен в реакционных кругах общества.²² По словам Куломзина, при подготовке манифеста «энергично настаивали на необходимости твердого режима» К. П. Победоносцев, граф Н. П. Игнатьев, граф С. Г. Строганов и М. Н. Катков.²³ Опубликование манифеста повлекло за собой отставку Лорис-Меликова, министра финансов А. А. Абазы и военного министра Милютинна. Вскоре, в начале мая, на пост министра внутренних дел был назначен Игнатьев.

Фадеев сейчас же стал со всей присущей ему энергией добиваться преобразования системы вооруженных сил. На словах он замахивался на все милютинские реформы 60—70-х годов, но в сущности (вероятно, постольку, поскольку вернуть дело целиком к дореформенному состоянию было практически невозможно) имел в виду лишь одно — упразднить подчинение Главного штаба Военному министерству. Фадеев был заинтересован в том, чтобы вытравить из военного ведомства милютинский дух, сокрушить генерала Н. Н. Обручева и других старых своих противников, одержавших верх над Барятинским и его группой. Он и не скрывал этого в записке о военном преобразовании, поданной И. И. Воронцову-Дашкову для передачи Александру III 9 мая 1881 г., и в последующих своих письмах Воронцову-Дашкову, но старался доказать, что предлагаемые им перемены в управлении вооруженными силами диктуются соображениями высокой политики и необходимы с охранительной точки зрения. «Чисто военный вопрос, — писал Фадеев, — стоит покуда на втором плане ... хотя не следует забывать и того, что наша домашняя смута может оказаться излечимой лишь при твердой, льстящей народному чувству внешней политике, основанной на возможности вести победоносную войну, причем состояние армии и военных учреждений обратится в вопрос быть или не быть».²⁴

Подобно тому как в своей общеполитической программе Фадеев настаивал на единении царя с народом вопреки препятствующей этому бюрократии, так и в военной сфере он утверждал, что подчинение начальника Главного штаба самому царю, а не военному министру установит «неразрывную связь» «последнего ротного командира» «с самим государем».²⁵ «В политическом

²² См.: П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия, стр. 375.

²³ Воспоминания А. Н. Куломзина, л. 37.

²⁴ Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову, 30 июня 1881 г. РО ГБЛ, ф. 58, И. И. Воронцов-Дашков, оп. 1, ч. II, папка 51, д. 3.

²⁵ Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову, 9 мая 1881 г. РО ГБЛ, ф. 58, И. И. Воронцов-Дашков, оп. 1, ч. II, папка 51, д. 3.

отношении, — настаивал Фадеев, — радикальное лекарство еще необходимее нашему военному ведомству, чем в боевом».²⁶

Отдавая себе, по-видимому, отчет в том, что предлагаемая им реорганизация отнюдь не является в политическом отношении «радикальным лекарством» для армии и вообще не так уж связана с проблемой ее благонадежности, Фадеев прибег к откровенным доносам на Милютину и оставшихся на службе его помощников. «Первоначальным источником нигилизма» послужил, по словам Фадеева, кружок офицеров Генерального штаба, бывших у Милютина «почти домашними людьми». Ссылаясь на всеподданнейший доклад шефа жандармов, хранившийся в архиве Департамента полиции, Фадеев утверждал, что «первый организатор пынешней крамолы Чернышевский, сначала невинный идеалист, был увлечен в крайний нигилизм людьми этого кружка, поименно названными». «Недавно, — продолжал Фадеев, — камергер Маркевич описывал мне вечера у одного из этих лиц, генерала Аничкова, на которых Чернышевский, уже обращенный, проповедовал в свою очередь ниспровержение законного порядка гостям, по большей части штабным офицерам, ставшим впоследствии важными людьми». Фадеев готов был допустить, что «эти увлечения прошли, люди остепенелись с летами», «Обручев давно бросил свой нигилизм и лично совершенно благонадежен». И все-таки, утверждал он, «посеянные ими плевелы пустили глубокие корни».²⁷ Для «перекройки» военного ведомства Фадеев предлагал учредить над ним «временную диктатуру» и назвал кандидатом в «диктаторы» престарелого графа П. Е. Коцебу, бывшего прежде сторонником Барятинского.

По-видимому, предложения Фадеева, подаваемые через Воронцова при содействии Игнатьева, встречали отклик.

Вскоре после своего воцарения Александр III подтвердил данное Александром II согласие на издание за границей фадеевских «Писем о современном состоянии России»,²⁸ и весной они были выпущены в Лейпциге в виде анонимной брошюры объемом в 148 стр. Книга была допущена к распространению в России с разрешения Главного управления печати.²⁹ По словам самого

²⁶ Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Данкову, 30 июня 1881 г. РО ГБЛ, ф. 58, И. И. Воронцов-Данков, оп. 1, ч. II, папка 51, д. 3.

²⁷ Там же.

²⁸ Сочинение Фадеева, видевшего корень зла в чиновничестве и бюрократии, якобы зараженных «красным» духом, могло импонировать Александру III, который считал, что несправедливая ему идея о представительном начале в России исходит от «паршивой журналистики и бюрократического либерализма» (Александр III — Победоносцеву, 21 апреля 1881 г. К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. I, полутом 1-й. М.—Пгр., 1923, стр. 49).

²⁹ Р. А. Фадеев — И. С. Аксакову, б. д. [1881 г.]. РО ИРЛИ, Архив Аксакова, ф. 3, оп. 4, д. 639, л. 8—9.

Фадеева, в опубликованном виде письма были «приведены к литературной форме и много дополнены». Он рекомендовал свои «Письма» как изложение российских порядков, «довольно однородное» со взглядами Аксакова, но «еще смелее». Издание «Писем» преследовало чисто практическую цель — представить их в качестве надежной программы государственного переустройства. «Я уверен, — писал Воронцов-Дашков Победоносцеву, — что это единственная программа, могущая вывести русское правительство на каменную дорогу из того болота, в котором оно завязло». В письме Победоносцеву Воронцов не упоминал о своей причастности к книге, но высказал уверенность, что Победоносцев согласится с «принципами», в ней изложенными, и познакомится с Фадеевым как ее автором.³⁰

Фадеев же готовил в поддержку «Писем» кампанию в печати. Ее должны были открыть, по замыслу Фадеева, Катков в «Московских ведомостях» и Аксаков в «Руси». На Каткова Фадеев возлагал особые надежды («Катков есть *directeur de conscience* Победоносцева и влияет на ум самого Владыки»).³¹ Надежды эти казались Фадееву оправданными: еще до появления статей о «Письмах» в «Московских ведомостях» ему стал известен лестный отзыв Каткова о Воронцове как об одном из авторов «Писем» («наконец, после очень долгого промежутка появилось у нас близкое к государю лицо с головой государственного человека»).³²

Однако ни Победоносцев, ни Катков поддержки авторам «Писем» не оказали. Поддержала книгу Фадеева аксаковская «Русь», поместившая, хотя и почти без комментария, пересказ содержания «Писем». ³³ В двух номерах суворинского «Нового времени» появилась большая статья, посвященная подробному разбору «Писем», принадлежавшая самому Суворину.³⁴ В ней ясно дано было понять, что автором писем является Фадеев. Суворин хвалил автора за отказ от его прежней политической программы, в которой Суворин усматривал подражание английской политической системе. «Последние годы он, очевидно, много думал, — писал Суворин о Фадееве, — и, сильный по-прежнему критикой, он пришел совсем к другим результатам в своей положительной программе, вернее сказать, он принял программу своих противников; не культурный кружок, совсем обособленный и снабженный всеми полномочиями, является распорядителем судеб России, а верховная власть в тесной связи со всем обществом, действующая

³⁰ И. И. Воронцов — К. П. Победоносцеву, 24 мая 1881 г. К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. I, полутом 1-й, стр. 160.

³¹ Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову, 29 мая [1881 г.]. РО ГБЛ, ф. 58, ол. 1, ч. II, папка 51, д. 3.

³² Там же.

³³ Русь, 1881, 11 июля, № 35, стр. 10—11; 18 июля, № 36, стр. 5—6.

³⁴ Незнакомец. Отрывки и впечатления. Новое время, 1881, 7 (19) июня, № 1893; 16 (28) июня, № 1902.

щая на благо народу. Автор, таким образом, заглаживает свое прошлое и разрывает с ним всякие сношения».

Первая часть суворовской статьи появилась в тот день, когда Александр III утвердил доклад министра внутренних дел Игнатьева, в котором, «признавая необходимым усилить наблюдение за периодической печатью со стороны Совета Главного управления по делам печати», министр предлагал откомандировать Фадеева, состоявшего «по армейской пехоте», в распоряжение министра внутренних дел с поручением ему присутствовать на правах члена в Совете Главного управления по делам печати и иметь высшее наблюдение за издаваем газетой «Правительственный вестник».³⁵

Переменной обстоятельностью и своим назначением Фадеев пользовался для того, чтобы издать свои «Письма» и в России. В течение 1881—1882 гг. книга была издана четырьмя экземплярами. По-видимому, программа Фадеева и Воронцова-Дашкова, изложенная в «Письмах», имела успех, хотя и временный. «Лето 1881 года и последующая зима 1881—82 года, — писал в своих воспоминаниях Куломзин, — были краткою эпохой осуществления графом Игнатьевым, при содействии Островского и Бунге, программы, нашедшей себе выражение в письмах известного славянофила Фадеева. Были созваны эксперты по крестьянскому делу, которые разработали совместно с тремя министрами облегчение населению в выкупных платежах. Создан был Крестьянский банк для облегчения крестьянам в приобретении законным способом необходимой им земли. Поставлено на очередь переселенческое дело. К величайшему несчастью, среди этой программы находилась дичайшая мысль созыва Всероссийского Земского собора. Мысль, подсказанная пустейшим человеком Голохвастовым и восторженно принятая Воейковым».³⁶

Куломзин, несомненно, преувеличил значение фадеевской программы. Однако перечисленные им вопросы правительственной политики действительно получили в «Письмах» Фадеева отражение, кем бы ни были впервые высказаны те или иные мысли.

Куломзин не упоминал о фадеевском плане военных преобразований, между тем сам Фадеев придавал им все большее значение. Он пытался втянуть в свою игру и Игнатьева, доказывая

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 20, д. 367. За два дня до этого, 9 июля 1881 г., С. Н. Кривенко писал Г. А. де Воллану: «Не знаете ли Вы чего о Фадееве. Он теперь пользуется здесь большим влиянием, в особенности в Министерстве внутренних дел и по делам печати. Говорят, что он будет назначен вместо Вяземского (П. П. Вяземский был начальником Главного управления по делам печати, — В. А., Р. Г.). Ему приписывают брошюру, вышедшую в Лейпциге у Брокгауза „Письма о современном состоянии России“, которую почти все комментируют» (Голос минувшего, 1914, май, стр. 120).

³⁶ РО ГБЛ. Выписки из Воспоминаний А. Н. Куломзина. Собр. Музея, ф. 178, картон 9803, ед. хр. 5.

ему, что исход борьбы по военному вопросу «решает все дальнейшее» «даже» для министра внутренних дел. Через Игнатьева Фадеев хлопотал о назначении Воронцова помощником к Коцебу, который стал председателем особой комиссии для пересмотра милитаристской системы (так преобразовалась идея установления диктатуры над Военным министерством).³⁷

Сделав ставку на комиссию Коцебу, Фадеев с неумолимой энергией требовал покончить с «шайкой Обручева», который оказывался под его пером чуть ли не организатором «Народной воли». «И чем это государь шутит? . . . — писал Фадеев. — Четыре месяца назад убили его отца, а он отдает всю власть над единственной покуда опорой, армией, человеку, который заведомо положил начало организации, убившей его отца».³⁸

Это был не единственный случай, когда Фадеев бесцеремонно демонстрировал свою парочитую прямоту в оценке политики Александра III, ставя в затруднительное положение Воронцова-Дашкова (с августа 1881 г. министра двора!), несмотря на частный характер переписки.

Воронцов же, поддерживая фадеевскую программу, проявлял известную сдержанность. При переиздании «Писем» он пытался добиться того, чтобы Фадеев один подписал «все сочинение». Фадеев отказался, заявив, что «оно общее».³⁹

Мы не располагаем письмами Воронцова Фадееву и не можем составить полного представления об их отношениях. Однако, судя по письму Фадеева Воронцову 5 августа 1881 г., между ними были разногласия, в том числе и по поводу «Дружины».⁴⁰

Итак, лето 1881 г., начало «эпохи Фадеева». К этому времени деятельность «Дружины» была уже развернута. И в августе 1881 г. «Письмам» Фадеева было уделено внимание на страницах

³⁷ Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову, 5 августа [1881 г.]. РО ГБЛ, ф. 58, оп. 1, ч. II, папка 51, д. 3. По мотиву свое письмо «5 августа, 1 час ночи», Фадеев писал: «Сегодня 5-го в среду гр. Игнатьев попросит государя решить назначение Ваше помощником к гр. Коцебу и сказать Вам о том. Гр. Игнатьев очень желает этого назначения».

³⁸ Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову, 7 июля [1881 г.]. РО ГБЛ, ф. 58, оп. 1, ч. II, папка 51, д. 3.

³⁹ Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову, 13 июня [1881 г.]. РО ГБЛ, ф. 58, оп. 1, ч. II, папка 51, д. 3. Впоследствии он объяснил Воронцову, что рассматривает анонимное издание, на котором «негласно» стоит его, Воронцова, имя, как «крупнейшее политическое событие». (Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову, 7 июля [1881 г.]. Там же).

⁴⁰ «В последние дни, — писал Фадеев, — ко мне приходили некоторые серьезные люди и высказывали полное удовольствие по поводу Священной дружины, кладущей, наконец, основание взаимной связи между благонамеренными людьми, связи, которая доселе существовала только между гермитами, подтачивающими государство. Мне легко было согласиться с ними, так как с этой стороны я дружину никогда не оспаривал, я был, да и емь против формы тайного общества, ставшего явным» (Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову, 5 августа [1881 г.]. РО ГБЛ, ф. 58, оп. 1, ч. II, папка 51, д. 3).

только что учрежденного в Женеве «Вольного слова», выдававшего себя за орган Земского союза. Во втором номере «Вольного слова» появилось сообщение о том, что «Письма о современном состоянии России» (тогда было известно лишь анонимное лейпцигское издание) принадлежат Фадееву. Одновременно в корреспонденции из Петербурга сообщалось о его назначении и появлении его книги, запрещенной к ввозу в Россию, но тем не менее напечатанной и распространяемой не на личные средства автора, а стараниями «начальств». Книга Фадеева, говорилось в «Вольном слове», «нечто вроде откровения, показывающего, куда и как желают плыть наши заправители». Но тут же указывалось, что в России с «жадностью» «набросились на эту книжку — в одно и то же время плод запрещенный и дозволенный». «Книжка действительно занимательна и поучительна», — добавлял корреспондент. Хотя в корреспонденции и содержались некоторые выпады против Фадеева (довольно, впрочем, циничные), она, в сущности, рекламировала его книгу.

Появление фадеевских «Писем» в «Вольном слове» вряд ли может быть объяснено одним только псевдоземским характером газеты. По-видимому, руководители «Дружины» ставили перед собой цель привлечь внимание к фадеевской программе и таким способом. Статьи о «Письмах» в «Вольном слове» не были подписаны, но известно, что теме этой придавали немалое значение учредители «Вольного слова» А. П. Мальшинский и Г. С. Веселитский-Божидарович. «Я часто вижу с Аркадием Павловичем М (альшинским), который до некоторой степени осуществил идею „совершенно независимого органа“, — писал Веселитский 3 (15) августа 1881 г. из Женевы в Петербург Ю. М. Богушевичу. — Два первые №№ вы сможете получить через редакцию СНВ (вероятно, «Санкт-Петербургских ведомостей», — Б. А., Р. Г.), которой газета высылается в двойном экземпляре именно для передачи Вам. Издание за границу, конечно, принимает другую форму и тон изложения, но я могу уверить Вас, что редакция несколько не изменила своим строго консервативным, монархическим русским убеждениям. А. П., с свойственной ему осторожностью, заручился в Петербурге такими связями, которые действительно обеспечивают его свободу действий. Для газеты было бы не только очень полезно, но и чрезвычайно важно, если бы Вы потрудились присылать корреспонденции, специальные и общеполитические статьи, напр., хотя бы в ответ на „Письма о современном состоянии России“. Если Вы найдете это возможным, то адресовать можно (без подписи и письма) на имя Арк. Павл., pension Flejel Genève». ⁴¹

⁴¹ РО ГПБ, ф. 85, д. 42. Выполнял ли Ю. М. Богушевич литературные заказы вольнословцев, нам неизвестно, но в дела газеты он был, как видим, посвящен. И не он ли тот загадочный Ю. М., который не был распознан М. К. Лемке в письме М. П. Драгоманова С. Ю. Витте 15 мая

Ю. М. Богушевич — журналист, принадлежавший к тому же кругу, что и Веселитский-Божидарович и Мальшинский, еще с 60-х годов имел репутацию связанного с полицией.⁴² В те самые дни, когда Веселитский обратился к нему со своим предложением, Богушевич был назначен редактором только что основанной со специальными целями при «Правительственном вестнике» «газеты для народа» под названием «Сельский вестник». Богушевич отдавал себе полный отчет в том, что собой представляет Женевское «Вольное слово», ибо хорошо был осведомлен о выработавшейся летом 1881 г. в Управлении по делам печати программе идеологического противодействия распространению революционного влияния, предусматривавшей издание брошюр и создание специальных газет для народа, а также использование существующих. А литературно-провокационная деятельность «Дружины» была тесно связана с «казенной» пропагандой. К тому же Фадеев был не только одним из организаторов «Дружины», но и — вместе с Богушевичем — участником организации ведомственной идеологической кампании.

Вопрос об использовании печати для борьбы с революцией, насаждения охранительной идеологии был для Александра III не нов. Еще в бытность наследником он возглавил в 1878 г. Особое совещание по поводу издания «дешевых книг для чтения народа с целью ограждения его от злопамеренной пропаганды». Они должны были «служить к укреплению в народе религиозных и верноподданнических чувств, к поднятию нравственности». Издавать их было решено «под высшим наблюдением министров внутренних дел, народного просвещения и шефа жандармов при участии лиц, вполне знающих быт и объем понятий народа и хорошо владеющих народным языком».⁴³ На расходы для этой цели было ассигновано 5000 руб. в год. Затем, в 1879 г., В. В. Кардо-Сысоеву на издание журнала «Сельская беседа» было назначено пособие в размере 6000 руб. в год в течение шести лет, «если направление издания в продолжение того времени будет заслуживать одобрения правительства».⁴⁴

Вскоре, в 1880 г., была предпринята попытка заведения субсидируемой официальной газеты общего типа. Она получила название «Берег», ее издателем и редактором стал профессор финансового права П. П. Цитович, незадолго до того начавший

1882 г. (Б. В. Ананьич, Р. Ш. Гапелин, С. Ю. Витте, М. П. Драгоманов и «Вольное слово». В кн.: Исследования по отечественному источниковедению, Л., 1964, стр. 169).

⁴² Русское слово, 1906, № 10, стр. 131—133.

⁴³ Представление в Государственный совет министра внутренних дел гр. Толстого 26 марта 1883 г. «Об ассигновании пособия на издание газеты „Сельский вестник“ в размере 11 000 руб. из Государственного казначейства», ЦГА СССР, ф. 776, оп. 33, д. 18, л. 161—171.

⁴⁴ Там же. См.: П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия, стр. 172—173.

поход в печати против революционно-демократического движения.⁴⁵ Несмотря на значительные субсидии, «Берег» не просуществовал и года.⁴⁶ После покушения С. Халтурина в феврале 1880 г. известный уральский заводчик П. П. Демидов кн. Сан-Донатто основал газету «Россия» под редакцией Л. А. Спичакова.⁴⁷ В ней велась борьба не только с революционной идеологией, но и с «разными либерал-бреднями». Примечательно, что будущий учредитель «Вольного слова» Мальшинский сотрудничал в обеих этих газетах, хотя между ними и возникла полемика.

После 1 марта 1881 г. вся эта система мер для воздействия на общественное мнение была возобновлена и усилена.

Ю. М. Богусевич уже 7 марта составил (оказавшуюся в бумагах Воронцова) записку, в которой утверждал, что «ужас» и «негодование» большинства газет по поводу убийства Александра II лицемерны, и выдвинул в тесной связи друг с другом общеполитические и пропагандистские задачи. «Корень зла» он видел в крестьянской реформе, осуществленной вопреки интересам дворянства. Не одобрял он развития промышленности, которая держалась, по его словам, «грубую эксплуатацию народа и общества». «Центр тяжести государства истинно-народного, понятие которого отождествляется с „землею“, он хотел перенести в деревню.

Улучшение дворянского быта, щедрую помощь хозяйствам помещиков он предлагал сопровождать привлечением их к безвозмездным административным обязательствам в уезде, всесловной волости и приходе за счет сокращаемой бюрократии. Для «разъяснения и разработки» этой программы, во многом соответствовавшей воронцовско-фадеевской, Богусевич предлагал учреждение сельскохозяйственной земской и политической газеты «Реформа».⁴⁸ Идея эта претерпела, по-видимому, некоторые изменения, и Богусевич оказался редактором газеты, предназначенной специально для крестьян — «Сельского вестника».⁴⁹ «Сельский вестник» был учрежден при редакции «Правительственного вестника», издававшегося, как уже указывалось, под наблюдением Р. А. Фадеева. В первом же номере «Сельского вестника» «ближайшая цель издания» была достаточно прямолинейно опреде-

⁴⁵ Цитовичу принадлежала, в частности, направленная против П. Г. Чернышевского брошюра «Что делали в романе „Что делать?“».

⁴⁶ А. Дьяков (Незлобин-Житель). Как утопили Берег. Новое время. 1881. № 1753.

⁴⁷ О происхождении и направлении «России» Л. А. Спичаков писал 19 июня 1882 г. Александру III (ЦГАИ ССРС, ф. 776, оп. 20, л. 450, л. 163).

⁴⁸ РО ГБЛ, ф. Воронцова-Дашкова, раздел II, планка 50, л. 12.

⁴⁹ Идею издания газеты для крестьян выдвигал и кн. В. П. Менцеровский, хлопотавший одновременно о субсидии в 36 тыс. руб. для издания общедоступного иллюстрированного журнала «строго консервативного направления» с участием «лучших писателей» (Записка В. П. Менцерева Александру III 21 октября 1882 г. ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 551).

лена как противодействие «возмутительным листкам и книжкам», распространяющим «в народе смуту», и «сообщение всего того, что необходимо знать каждому русскому человеку и верно-подданному своего государя». ⁵⁰ Исполнитель редакция проводила политику заигрывания с крестьянством, обличая «безобразия в крестьянском самоуправлении», «проделки кулаков-мироедов» и как бы защищая «крестьянскую невежественную массу» от «деревенской аристократии, деревенских капиталистов». ⁵¹

В течение первой половины 1881 г. круги охранителей были охвачены настоящим литературно-учредительским зудом. При этом официально-ведомственная и добровольческая (дружбинская) линии порой перекрещивались: одни и те же лица оказывались устроителями и участниками издавший как того, так и другого толка. Не говоря уже о Мальшинском, который возглавил в Женеве «Вольное слово» вскоре после прекращения «Берега» и «России», Фадеев, как видно из уже сказанного, не случайно соединял в своем лице роль одного из идеологов «Дружбины» с официальной службой именно по ведомству печати. Редактор «Сельского вестника» Богушевич, получивший от Веселитского-Божидаровича приглашение сотрудничать в «Вольном слове», и сам Веселитский вели переговоры с одними и теми же влиятельными лицами. ⁵² В письме Богушевичу из Дрездена, накануне отъезда в Женеву, Веселитский упоминал о своих и Богушевича неоднократных «свиданиях с В., Ф., Ф.». ⁵³ Судя по содержанию письма, эти лица возглавляли издательскую кампанию. Одно из них в письме названо. Это помощник государственного контролера Т. И. Филиппов, автор ряда сочинений на религиозные и литературные темы. Относительно двух других можно предположить, что это начальник Главного управления печати П. П. Вяземский и Фадеев.

Назначение в Главное управление по делам печати не могло удовлетворить честолюбия Фадеева, и он продолжал вести активную политическую борьбу за принятие своей программы. В письме Воронцову 11 сентября Фадеев «глаз на глаз» «до конца» изложил (своему соавтору!) основную идею «Писем о современном состоянии России» («причину нынешней смуты»), которая была, по его словам, высказана в них «полу-словами» и состояла в том, что со времени смерти Николая I «царь становится все менее властным в своем государстве».

⁵⁰ Сельский вестник, 1 сентября 1881 г.

⁵¹ Т. Р. Первая русская народная газета. Исторический вестник, 1889, май.

⁵² Очевидно, в начале 1881 г. Веселитский представил министру внутренних дел гр. П. П. Игнатьеву проект издания некой газеты. По словам Веселитского, Игнатьев одобрил проект и «указал на возможность обширной поддержки».

⁵³ Веселитский-Божидарович — Богушевичу, 1 (13) июля 1881 г. РО ГИВ, ф. 85, д. 42.

По-прежнему он в первую очередь хлопотал о военных преобразованиях, настаивая на их значении для «нравственного состояния войск».⁵⁴ Комиссия под председательством Коцебу не удовлетворила Фадеева: в ней оказалось слишком много его противников. И Фадеев стал действовать через Коцебу, вернувшись к мысли об установлении его временной диктатуры над военным ведомством.⁵⁵ Для обработки Коцебу были пущены в ход все средства. «Успокойте, прежде всего, старую графиню Коцебу, — писал Фадеев Воронцову-Дашкову. — Вы хорошо знаете, как много зависит от окончательного доклада Коцебу, а сам Коцебу, в настоящую свою пору, зависит кругом от временного настроения своего духа, т. е. от обстановки. Он теперь не может уже понимать ясно, но способен отчетливо вспомнить то, что понимал прежде; он весь зависит от вызванного в нем воспоминания, а вызвать то или иное воспоминание может только доверенный, грующийся около него человек, и этот человек теперь я. Они оба возьмется со мной, как коты с салом. Но помогите же мне. . . Я уже говорил старой, что ее устроит при дворе гр. Елизавета Андреевна по приезде, . . . но старуха теряет терпение. . . дайте мне хорошее настроение этой эстляндской четы, и я Вам дам какой хотите окончательный доклад».⁵⁶

Коцебу действительно приблизил к себе Фадеева. В ноябре 1881 г. он пригласил Фадеева и сообщил ему, что Александр III еще не отверг мысли о подчинении себе начальника Главного штаба. В этой встрече участвовал и военный министр Ванновский, который дал слово не подпускать к делу о военном преобразовании генерала Обручева, и Фадеев воспрянул духом. «Вы видите, что дело еще не совсем выскользнуло из наших рук, — писал он Воронцову, — и что Вы можете действовать с успехом. Только действовать надобно с большой энергией».⁵⁷

Однако уже в декабре военный проект Фадеева лишился, казалось бы, обретенного расположения «сфер». По собственным словам Фадеева, дело «не подвинулось ни на шаг вперед», а Ван-

⁵⁴ Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову, 11 сентября 1881 г. РО ГБЛ, ф. 58, оп. 1, ч. II, папка 51, д. 3.

⁵⁵ Р. А. Фадеев — П. А. Коцебу, 16 октября 1881 г. РО ГБЛ, ф. 58, оп. 1, ч. II, папка 51, д. 3.

⁵⁶ Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову, 21 октября 1881 г. РО ГБЛ, ф. 58, оп. 1, ч. II, папка 51, д. 3.

Графиня Елизавета Андреевна — жена И. И. Воронцова-Дашкова. Имя Коцебу находилось в Эстляндии. В другом письме Фадеев писал Воронцову: «Cultivez un peu П. Ф. Шаховской. Странно сказать, но он имеет довольно большое влияние на Коцебу. Я обработаю его со своей стороны». Тут же он сообщал, что «очаровал» «старую графиню» и будет часто «у нее сидеть», видя в этом «наилучшее средство» для воздействия на Коцебу (Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову [1881 г.]. РО ГБЛ, ф. 58, оп. 1, ч. II, папка 51, д. 3).

⁵⁷ Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову, 11 ноября [1881 г.]. РО ГБЛ, ф. 58, оп. 1, ч. II, папка 51, д. 3.

новский открыто заявил Игнатьеву, что «сам подрываться под себя не намерен».⁵⁸ Против Фадеева в Военном министерстве было возбуждено обвинение в том, что он пытался «похитить из штаба секретный документ... и для этой цели подкупал ген. Величко обещанием, что он получит при преобразовании звание дежурного генерала».⁵⁹ Тщетно продолжал Фадеев запугивать «небывальными прежде размерами» революционной пропаганды в армии, продолжал доносить на генерала Обручева, напоминая о его совместном с Н. Г. Чернышевским редактировании «Военного сборника» в 1858 г.⁶⁰ Затеянная Фадеевым кампания против милютинской военной реформы явно терпела неудачу.

Фадеев не прекратил, однако, своего участия в политической борьбе в верхах, главным предметом которой стал в это время вопрос о Земском соборе. С предложением о его созыве обратился к Игнатьеву И. С. Аксаков, который послал к министру для разработки практических мер П. Д. Голохвастова, автора работ по истории земских соборов, сейчас же назначенного чиновником для особых поручений Министерства внутренних дел и сотрудником «Сельского вестника». Идея созыва Земского собора, в которой Аксаков видел «выход из положения, способный посрамить все конституции в мире, ничто шире и либеральнее их и в то же время удерживающее Россию на ее исторической, политической и национальной основе»,⁶¹ послалась в воздухе. И Игнатьев с живостью на нее откликнулся. Он так рьяно взялся за подготовку собора, что вскоре его стали подозревать в намерении создать для себя в ходе государственных преобразований пост премьер-министра.

Воронцов-Даников и Фадеев поддерживали созыв собора в соответствии с программой, изложенной в «Письмах». При этом Фадеев, видевший, как и Аксаков, в соборе спасительное средство, придавал ему в соответствии с духом своих «Писем» еще и антибюрократическую направленность. «Положение дел таково, — писал Фадеев Аксакову, — что всякий министр внутренних дел, т. е. политический министр, Лорис или Игнатьев, или иной, через несколько месяцев приходит к убеждению, что он не может устоять на подмостках петровской эпохи и спасти Россию посредством чиновников».⁶² Министры внутренних дел один за другим убеждаются, утверждал Фадеев, что «нынешнюю Россию нельзя управлять посредством одной полиции, но правительство остается неисправимым». По всегдашнему своему обык-

⁵⁸ Р. А. Фадеев — П. А. Коцебу, декабрь 1881 г. РО ГБЛ, ф. 58, оп. 1, ч. II, папка 51, д. 3.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия, стр. 452.

⁶² Р. А. Фадеев — И. С. Аксакову, 27 мая 1882 г. РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, д. 639, л. 6—7.

повению Фадеев прибегал к угрозам («Игнатъев откровенно сознавался мне, что он пошел на собор и новое земство потому только, что не надеется справиться с движением к черному передлу, имеющим, по его словам, открыться весною»).⁶³

Действуя в глубокой тайне, Игнатъев готовил манифест о созыве собора к 6 мая 1882 г. — двухсотлетию со дня открытия последнего Земского собора.⁶⁴ Однако действия его встретили сопротивление. Противниками Земского собора были Победоносцев и Катков. По мере приближения к 6 мая борьба становилась все более напряженной. Воронцов-Данков и Фадеев оказались в центре ее. Известно, что Игнатъев пытался заручиться поддержкой Воронцова-Данкова, но тот 2 мая обратился к царю со специальным письмом, в котором Игнатъев был представлен как человек, «окончательно» утративший свой престиж и потому захватившийся за Земский собор как «за последнее оставшееся в запасе средство».

«Театральными представлениями, — писал Воронцов, — граф Игнатъев никого больше не пугает. Россия в нем изуверилась совершенно... политика гр. Игнатъева основана на изворотах и лжи». ⁶⁵ При этом Воронцов и сам выразил убеждение, что если «самодержавию суждено уцелеть, конечным его выражением будет всероссийский совещательный Земский собор, созываемый в особых случаях для большего единения царя с землей». Игнатъевский же соборный проект Воронцов расписывал царю как тающий в себе угрозу окончательной гибели самодержавия. Воронцов обвинял Игнатъева в покушении вслед за Лорис-Меликовым на самые основы самодержавия. По словам Воронцова, Лорис создал себе положение «неответственного, но всесильного министра», упразднив III Отделение — единственную силу, контролировавшую деятельность правительственных ведомств и их руководителей. А Игнатъев «унаследовал права Лориса» и целый год ими пользуется!

⁶³ Записка Р. А. Фадеева «Последствия продления нынешнего status quo», б. д. РО ГБЛ, ф. 58, оп. 1, ч. II, папка 51, д. 3.

⁶⁴ П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия, стр. 460. Фадеев упоминал о двух поданных Александру III записках в пользу созыва собора. Одна, принадлежавшая прокурору Петербургской судебной палаты П. В. Муравьеву, содержала доказательства того, что созыв собора будет означать крах «нигилизма». Записка эта казалась Фадееву «совсем умной», но Александр III написал на ней: «жалкие иллюзии» (там же, стр. 468). Вторая записка, составленная Голохвастовым, опровергала статью Каткова, отождествлявшую Земский собор с западными парламентами. Помета царя на этой записке гласила: «Кто вибрил Каткову статью и позволил начать подобие прения». «Из этих надписей, как и из многого другого, видно достаточно ясно, — заключал Фадеев, — что люди, обрекающие правительство на бездействие, взяли полный перевес в уме государя, что весьма понятно: совет ни на что не решаешься оказывает благотворное действие на нерешительную натуру» (Записка Р. А. Фадеева «Последствия продления нынешнего status quo»).

⁶⁵ ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 741, л. 106—107.

Письмо Воронцова царю нельзя трактовать иначе, как рассчитанное на свержение Игнатьева с поста министра. Тем не менее поведение Воронцова и действовавшего с ним заодно Фадеева по отношению к Игнатьеву остается до конца неясным.⁶⁶ 4-го утром Фадеев, по словам Голохвастова, явился к правителю канцелярии министра внутренних дел Д. И. Воейкову и как «великую тайну» поведал тому, что «на Воронцова со всех сторон падают, чтобы он противодействовал собору: по Воронцов-де вчера заявил, что он будет за собор, но только за настоящий, о каком он думает с осени».⁶⁷ В тот же день вечером, как и предупредил Фадеев Воейкова, Воронцов и П. П. («Гобби») Шувалов были у Игнатьева для переговоров по двум поводам — о Земском соборе и «Святой дружине». По-видимому, Игнатьев и Воронцов договорились о том, что Игнатьев откажется от своего намерения ликвидировать «Святую дружину», а Воронцов со своим окружением зато окажет поддержку созыву Земского собора. Намечавшееся было соглашение с Игнатьевым нашло свое отражение в работе Фадеева и Воронцова над четвертым изданием «Писем о современном состоянии России». Фадеев и Воронцов и теперь, в мае 1882 г., делали ставку на свои «Письма». Они дополнили издание припиской о «создании живого земства». В земстве они видели «почву», «общественную связь».⁶⁸ В корректуре приписки связывавшая Игнатьева с Воронцовым и Фадеевым соборная тема была выражена, по-видимому, вполне ясно. «Гр. Игнатьев, разумеется, за приписку, но со своею оговоркою... Одно время существовал с ним компромисс, следы которого Вы увидите в нескольких строках, зачеркнутых красным карандашом», — писал Фадеев Аксакову, посылая ему корректурный лист приписки.⁶⁹

Однако компромисс с Воронцовым не спас Игнатьеву его проекта. Победопосцев и Катков боролись с Игнатьевым весьма

⁶⁶ В бумагах Воронцова сохранилась недатированная записка Фадеева (не позднее 6 мая 1882 г.), начинающаяся словами: «Разные приемы на случаи: 1. нового вполне единомысленного министра, 2. продолжения старого». Возможным преемником Игнатьева при условии отделения от Министерства внутренних дел Департамента полиции и жандармского корпуса считался одно время министр государственных имуществ М. П. Островский (П. А. Зайончковский. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, стр. 148). В этом случае имелось, очевидно, в виду, что Островский будет проводить фадеевско-воронцовскую программу («нужь предначертан заблаговременно»). Во втором же случае «вследствие состоявшегося соглашения» (с Игнатьевым?) предполагалось до коронации «занять умь» выборами в местные комитеты, а на коронации объявить о созыве государственного совещательного собора для «составления органического закона о русском земстве». В манифесте 6 мая Фадеев предлагал говорить лишь о земском устройстве, не упоминая о созыве собора (ОР ГБЛ, ф. Воронцова-Дашкова, разд. II, папка 53, ед. хр. 13, л. 1).

⁶⁷ П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия, стр. 464.

⁶⁸ Собрание сочинений Р. А. Фадеева, т. I. СПб., 1890.

⁶⁹ Р. А. Фадеев — И. С. Аксакову, 27 мая 1882 г. РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, д. 639, л. 6—7.

успешно, и положение его становилось все более шатким. Манифест о созыве Земского собора, готовившийся Игнатъевым к 6 мая, был отвергнут Александром III. В катковских «Московских ведомостях» велась кампания против Игнатъева, «Новое время» и аксаковская «Русь» его поддерживали. 27 мая на созванном царем по настоянию Победоносцева совещании решился вопрос об отставке Игнатъева (министром внутренних дел стал гр. Д. А. Толстой). В тот же день Фадеев обратился с письмом к Аксакову, призывая его поддержать программу, изложенную в еще не вышедшем четвертом издании «Писем». «На прошлой неделе, — писал Фадеев, — план Игнатъева отвергнут, а план, изложенный в приписке, стоит и, надо думать, пройдет, хотя и при ожесточенном сопротивлении».

Относительно игнатъевского проекта Фадеев высказался теперь в том же духе, что и Воронцов в письме царю 2 мая. (Компромисс, следы которого были зачеркнуты в корректуре, более не существовал). «Игнатъев хотел, — писал Фадеев, — видоизменить ход дела и вместо собора, венчающего здание самого земства, начать его венчанием на царство при соборе, которому были бы объявлены виды власти». Все свои надежды Фадеев возлагал, разумеется, на Воронцова, внушая Аксакову, что программа «Писем» — их (Фадеева и Воронцова) общая программа и пользуется поддержкой у царя. «Слишком понятно, — писал Фадеев, — что министр двора не может печатать программы государственного переустройства, не получивши окончательного соизволения свыше. Появление наших писем с этой припиской, чего мы надеемся вскоре, будет знаком, что программа принята».⁷⁰

Таким образом, вместо проекта, потерпевшего поражение вместе с Игнатъевым, Аксакову предлагалось теперь поддерживать программу «Писем». Хотя Фадеев и объявил вскоре последовавший выход 4-го издания «Писем» «крупным событием»,⁷¹ такое мнение отнюдь не получило широкого распространения. Выход книги не означал, как ожидал того Фадеев, что программа «Писем» принята, и он обратился к Аксакову за поддержкой своего издания на страницах «Руси». Отметив «важность», которую придавали «сверху» выпуску книги, и «колебания в одну и другую сторону, которыми он сопровождался», Фадеев писал: «Конечно, нельзя в журнале разъяснить обществу подкладочный смысл появления четвертого издания, но всякий рассудительный человек понимает, что если при нынешнем положении печати подобное издание разрешается, особенно ввиду исключительного положения предполагаемых его авторов (что в настоящую пору достаточно уже известно), то, следовательно, основная его идея не отвергается». Фадеев рассчитывал на большую газетную кампа-

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, л. 4—5.

нию вокруг «Писем» и собирався сам открыть «печатный поход» против Каткова. Он призывал Аксакова при обсуждении основной темы приписки — «необходимости покончить с бюрократической опекой воспитательного периода» — не бояться запретов цензуры. «Другие силы дадут ей отпор», — обещал Фадеев.

К предложению Фадеева сделать ставку на программу «Писем» в четвертом их издании Аксаков отнесся как к лишнему практического смысла. Он готов был продолжить обсуждение с Фадеевым земскособорной темы, высказывался против составления собора из представителей земств, за «особые прямые выборы от сословий (крест. и др.)» с тем, чтобы в собор не попала «одна интеллигенция». Однако он не разделял оптимизма Фадеева и не скрывал, что с отставкой Игнатьева, поразившей его «как громом», потерял надежду на созыв в близком будущем Земского собора. «Сыр-бор загорелся не из-за корректурного листа, Вами мне присланного, и положение дела мне известно во всей точности, — писал Аксаков. — Теперь торжествует партия Победоносцева и Каткова. Образ мыслей нового министра по внутренним делам мне мало ведом, но не думаю, чтобы он сходил с Вашим, и по всему сдается, что на время должно сказать: *Lasciate ogni speranza*».⁷²

Но если Аксаков призывал Фадеева оставить надежду, то Суворин, сочувственно откликнувшийся на первое издание «Писем» и поддерживавший при Игнатьеве идею Земского собора, на просьбу о поддержке 4-го издания «Писем», обращенную к нему Фадеевым,⁷³ отозвался статьей «Р. Фадеев, чиновничество и карьеризм».⁷⁴ Без смущения Суворин объявил взгляды Фадеева кабинетными и устаревшими. Иронизируя по поводу излюбленной фадеевской теории о зараженности чиновничества либерализмом, Суворин утверждал, что Фадеев не замечает двух «язв» чиновничества — хищничества и карьеризма.

Статья в «Новом времени» свидетельствовала о хорошей осведомленности Суворина: выход четвертого издания «Писем» не оправдал надежд Фадеева, влияние его шло на убыль. Развернуть в печати кампанию в поддержку «Писем» Фадееву так и не удалось, несмотря на все его старания. Однако женевское «Вольное слово» могло себе позволить рекламировать «Письма» еще до выхода их в свет в передовой статье 15 июля 1882 г. Статья эта была выдержана в традициях провокационного органа «Святой дружины». Она изобиловала ложными сведениями о борьбе между «Дружиной», возглавляемой якобы Победонос-

⁷² И. С. Аксаков — Р. А. Фадееву, 7 июня 1882 г. РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, д. 77. Приведенные Аксаковым слова из «Божественной комедии» Данте гласят: «Оставь всякую надежду».

⁷³ Р. А. Фадеев — А. С. Суворину, 26 июля 1882 г. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 4372.

⁷⁴ Новое время, 3/15 августа 1882 г.

цевым, и существующей будто бы «Добровольной охраной», претепдующей «на значение политической партии, имеющей свою особую программу». Программу эту «Вольное слово» представляло как извлечение из известных «Писем о современном состоянии России» Фадеева. В статье в иронической манере описывались отставка Игнатьева и ее причины. Ему «почудилось», утверждало «Вольное слово», «сочувствие царя» программе добровольцев, поскольку Александр III в бытность наследником «вполне разделял основания этой программы». К тому же Игнатьев потерпел неудачу в своей политической игре, «зазевавшись на московскую сцену „единения царя с народом“» (очевидно, намек на аксаковскую программу).

Основное содержание статьи составлял разбор фадеевской программы к еще не вышедшему 4-му изданию, рукопись или корректура которой оказалась в распоряжении корреспондента «Вольного слова». Приписка была объявлена в статье «катехизисом добровольцев». Его положения были представлены в статье в виде пяти пунктов:

1) Замена местных государственных функций, хозяйственных и политических (за исключением высшего суда и политической полиции) деятельностью земства, избирающего на место неправника особый исполнительный орган.

2) Признание за земством права распоряжаться распределением, взысканием и неуступным расходованием всех прямых податей и налогов, оставляя заведование и пользование косвенными налогами за государственным казначейством.

3) Распределение прямых налогов сообразно имущественной состоятельности каждого.

4) Избавление крестьянских общин от уплаты выкупных платежей за негодную или заброшенную ими землю и наделение землей действительно в ней нуждающихся, при помощи: либо дешевого (3%) кредита, либо иных способов полюбовного или обязательного отчуждения части государственных или помещичьих земель.

5) Земский собор, созданный, по древнему обычаю, ко дню венчания на царство и долженствующий повергнуть на усмотрение верховной власти мнение земли об устройстве всероссийского земства».

Критические замечания в адрес Фадеева были в статье весьма невинного свойства. Неудивительно, что редакция «Вольного слова» была так полно осведомлена о книге одного из создателей «Дружину» и цитировала приписку, сделанную к ее еще не вышедшему изданию. Обращает на себя внимание, что цитированные в передовой статье «Вольного слова» (как основа фадеевской программы) пять пунктов, нами приведенные, в тексте книги отсутствуют, хотя некоторые другие выдержки из приписки, приведенные в статье, соответствуют тексту книги.

Что же касается программы, так четко сформулированной в 5 пунктах на страницах «Вольного слова», то она в книге растворена в многословных и иногда двусмысленных рассуждениях.

Была ли статья в «Вольном слове» саморекламой Фадеева, исполненной в неизбежной для этого органа провокационной манере? Или кто-то из влиятельных корреспондентов «Вольного слова» в Петербурге счел нужным по каким-либо причинам предать гласности фадеевскую программу таким необычным образом и в намеренно оголенном виде? Ответить на этот вопрос имеющиеся у нас сведения не позволяют. Мы склонны считать, что дело не обошлось без участия самого Фадеева. Слишком уж осведомлено было «Вольное слово» о подготовке и выходе четвертого издания,⁷⁵ да и вообще к теме фадеевских писем оно обращалось неоднократно.

«Год Фадеева», пользуясь выражением Куломзина, кончился к весне 1882 г. Воронцов-Дашков, с его осведомленностью о настроениях Александра III, потерял интерес к фадеевской программе. В конце 1882 г. была ликвидирована «Дружина». Фадеев, однако, не складывал оружия, пытаясь вовлечь Воронцова в борьбу против Толстого и соблазняя министра двора предпринять еще одну «попытку спасения и обновления государственного порядка». Он настаивал на том, чтобы его записки были представлены Александру III непременно до коронации, назначенной на 15 мая 1883 г. «Впечатление, произведенное заблаговременно, — писал он Воронцову 22 апреля 1883 г., — останется в человеке, каким бы ни оказалось событие коронации, совсем или не совсем благополучным. В последнем случае нравственный успех записок будет, но в таком лишь случае, если они будут заранее известны. В первом случае, при невозмущенном ничем исходе коронации, гр. Толстой станет надолго краеугольным камнем, и подавать в то время записки против его системы будет ребяческим делом».⁷⁶

Как видим, Фадеев делал ставку на «не совсем благополучный» исход коронации (и прямо писал об этом Воронцову) в условиях, когда все охранительные силы были охвачены страхом перед коронацией и жили надеждой на благополучный ее исход. Какого именно происшествия, связанного с коронацией, ждал Фадеев, мы не знаем, но в «не возмущенном ничем» ее исходе он видел полную катастрофу для своих проектов. Он еще

⁷⁵ «Вольное слово» 15 сентября 1882 г. специально сообщило, что четвертое (дополненное) издание фадеевских «Писем» вышло в свет неожиданно для преемника Игнатьева на посту министра внутренних дел гр. Толстого, так как ему не было известно о дозволении печатать, данным Игнатьевым.

⁷⁶ Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову, 22 апреля 1883 г. РО ГБЛ, ф. 58, оп. 1, ч. I, папка 79, д. 27.

лелеял надежду оказаться прорицателем, оцененным и признанным царем под влиянием пережитой опасности. (Такой счастливый подарок судьбы через несколько лет выпал на долю не Фадеева, а его племянника, политической карьере которого способствовало предсказанное им крушение царского поезда). Это и объясняло чрезмерно прямолинейный характер письма Фадеева, напоминающего своей рационалистической манерой его письмо Витте 14 марта 1881 г. (см. стр. 304). Но отчаянная откровенность Фадеева была бессмысленна, потому что Воронцов к этому моменту уже избрал другой курс. Фадеев это, пожалуй, понимал, ибо письмо его в значительной мере состояло из упреков и угроз. Он утверждал, что причиной неудач их совместных начинаний было поведение Воронцова, который, использовав фадеевские замыслы, затем отстранял его от их осуществления, разрывая «дело пополам, разделяя его ведение с его началом». «Так пропали два дела — о военном преобразовании и об охране», — упрекал Фадеев. Возвращаясь к основной теме своего письма — проектам государственных преобразований, — Фадеев прибегал к предостережениям и даже угрозам. «Помните, граф, что при удаче этого третьего начинания легко будет восстановить и прежние, — писал он, — а при неудаче, не говоря уже о ее государственных последствиях, вы ступаете себя политически бесповоротно. В настоящую пору наша попытка спасения и обновления государственного порядка находится в том фазисе, в каком находилось дело о военной реформе, когда Вы понесли государю мое первое письмо, и дело об охране, когда Вы понесли письмо Витте... Если хотите избежать прежних промахов, то пойдем в деле рука об руку, и тогда не делайте уже для меня секрета из хода дела, иначе скажите сами, я сам отстану, только что из этого выйдет?».⁷⁷

Фадеев пытался втянуть Воронцова в новое совместное политическое предприятие, но усилия его были тщетны. И накануне коронации, и тем более после нее министр двора не нуждался ни в творческих услугах своего бывшего соавтора, ни в его рискованных рекомендациях.

Пора предпринимчивых и инициативных добровольцев, охранительных исканий в идеологической и чисто полицейской сферах кончилась. Распущена была «Святая дружина», один из ее вдохновителей П. П. Шувалов («Бобби») впал в немилость и психически заболел. Восторжествовало традиционалистское, охранительно-бюрократическое начало. «Партизаны сыска» и идеологические «искатели» были отвергнуты. «Теперь никто ничего не желает и не приказывает, проявление личной воли и личной инициативы, помимо бюрократической иерархии, не существует. На все есть только канцелярский доклад... Наши тузы в тупоумных фразах писарского пошиба мнят обрести государственную

⁷⁷ Там же.

мудрость», — писал Фадееву один из его единомышленников.⁷⁸ Во второй половине 1883 г. заболевший Фадеев сошел с политической сцены и в конце года умер.

Итак, политическая роль Фадеева в 1881—1883 гг. была гораздо более значительной, нежели она представлена в мемуарах Витте. Едва ли можно объяснить это недостаточной осведомленностью мемуариста. Умышленное умолчание здесь гораздо более вероятно и относится не только к деятельности Фадеева в 1881—1883 гг., но и к роли в «Дружине» самого Витте. Витте избегал касаться в своих мемуарах сюжетов, связанных с литературно-провокационной стороной деятельности «Дружины». Между тем М. К. Лемке обнаружил свидетельства причастности Витте к литературно-издательским делам «Дружины». Об одном из этих свидетельств, содержащихся в неопубликованной рукописи М. К. Лемке о «Святой дружине», мы уже писали.⁷⁹ В. М. Лемке, дочь М. К. Лемке, любезно ознакомила нас с сохранившимся у нее отрывком, написанным рукой М. К. Лемке на той же бумаге, что и рукопись о «Дружине», и к ней относящимся.⁸⁰

Отрывок этот относился к вышедшей в конце 1882 г. в Берлине брошюре «Современные приемы политической борьбы в России», подписанной псевдонимом «Свободный мыслитель» и помеченной: «Киев, август 20-го 1882 г.». Брошюра была посвящена истории русского революционного движения, программе и деятельности «Народной воли». В ней доказывались обреченность «Народной воли» и гибельность террористического пути борьбы. «Свободный мыслитель» не высказывал сколько-нибудь определенно собственных политических взглядов, но брошюра была проникнута либеральным духом (в ней даже критиковались сочинения Цитовича). В 1913 г. в связи с интересом, проявленным

⁷⁸ Письмо не установленного нами лица Фадееву. 3 декабря 1883 г. ЦГА СССР, ф. 1100, оп. 1, д. 62. Самому Фадееву в письме был дан совет порвать с военным ведомством («никто теперь не в силах сделать в Военном ведомстве то, чего Обручеву не угодно») и либо укрепитесь у гр. Толстого в Министерство внутренних дел, либо добейтесь поста генерального консула в Константинополе или в Египте. «Умным людям на Русь не везет, — говорилось в письме, — вот и Бобби Шувалов свернулся и вовсе пехорошо». По-видимому, к Воронцову в письмо относились следующие строки: «Все идет под гору, — возьмем, например, нашего друга В. — глупеет и ежедневно утрачивает совесть (за последнее время ее у него осталось так мало, что он уже и не притворяется, а просто-таки стал на точку капельдинеро-писарскую)... Если Вам нужно говорить с В., то теперь он принимает в 8 часов утра, ибо целый Божий день работает — вот как!».

⁷⁹ Б. В. Апаньич, Р. Ш. Ганелин, С. Ю. Витте, М. П. Драгоманов и «Вольное слово», стр. 163—178.

⁸⁰ В. М. Лемке передала этот отрывок в РО ИРЛИ, как и некоторые другие хранившиеся у нее бумаги М. К. Лемке. Среди них перечень из десяти пунктов, озаглавленный «Необходимые справки к Св. Дружине». Под № 6 в нем указано «Свободный мыслитель» (особо лежит записка).

в печати к происхождению и деятельности «Дружины», в «Русской молве» появилась подписанная псевдонимом «Нез» статья, проливающая свет на происхождение брошюры.⁸¹ Автор статьи, в прошлом полицейский чиновник, сообщал, что два больших ящика с экземплярами брошюры спустя 20 лет после ее издания были им найдены в архиве Московского охранного отделения. По его словам, С. В. Зубатов распорядился «сжечь это добровольческое д...». А затем Нез узнал, что это «нелегальное» издание было прислано «Дружинной» в Московское секретное отделение для распространения, однако осталось лежать без движения, так как управлявший тогда этим отделением А. С. Скандраков отрицательно относился к «Святой дружине» и «пошлым» методам дружинников.

Сообщив о происхождении брошюры, Нез высказывал предположения о возможных ее авторах: «У Священной Дружины, — писал он, — было несколько услужливых перьев: штатный „писатель“ (доносов, главным образом) К. А. Бороздин, затем бывший сотрудник газет „Новости“ и „Русский еврей“, а впоследствии — начальник секретного отделения Священной Дружины П. И. Рачковский (ныне покойный), он же Леонард, наконец, многоталантливый следователь-сыщик Владимир Воронович, он же Марченко и Савченко, изображавший киевскую „инспекцию“ добровольцев. Но вероятнее, что автором „Современных приемов“ был составитель полуофициального обзора социально-революционного движения в России... Мальшинский».⁸²

Как удалось узнать В. Я. Богучарскому, псевдонимом Нез воспользовался А. Меньщиков, охранник, оставивший службу в полиции и ставший впоследствии разоблачителем ее тайн.⁸³ Предположения Меньщикова относительно авторства брошюры Богучарский отверг, заявив, что имеются основания считать автором «Современных приемов политической борьбы» Н. Я. Стечкина, который в конце 90-х годов редактировал издававшуюся Мальшинским в Петербурге при субсидиях Витте газету «Народ»⁸⁴ и, по мнению Богучарского, пользовался в ней псевдони-

⁸¹ Из дел давно минувших дней. Правда о «Правде» (Письмо из Америк). Русская молва, 5/18 мая 1913 г., № 141.

⁸² Там же.

⁸³ В бумагах Богучарского сохранилась копия письма А. Меньщикова в редакцию «Речи» 14 ноября 1912 г. с приложением статьи «Правда о Правде». См.: ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 169, л. 198. Авторство Меньщикова было известно и корреспондентке Богучарского А. В. Гольштейн, имевшей отношение к изданию в 1881—1883 гг. «Вольного слова». Она писала о своем «отвратительном» впечатлении от статьи Меньщикова — «официальный полицейский, который и теперь все еще борется с добровольной полицией» (А. В. Гольштейн — Э. В. Богучарской, 28 мая 1913 г. ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 224).

⁸⁴ В. Богучарский. 1) Из минувшего. Киевская мысль, 31 октября 1913 г., № 301; 2) «Земский Союз» конца 70-х и начала 80-х годов XIX века. Юбилейный земский сборник, СПб., 1914, стр. 237.

мом «Свободный мыслитель». На этом основании Богучарский был склонен приписывать брошюру «Современные приемы политической борьбы» Стечкину.

Лемке же располагал письмом П. П. Шувалова, одного из руководителей «Дружины», возглавлявшего в ней всю литературно-провокационную часть, к Р. А. Фадееву, на основании которого утверждал, что автором «Современных приемов политической борьбы» был С. Ю. Витте. В подтверждение Лемке приводил из этого письма, не указывая (в дошедшем до нас отрывке) ни его даты, ни его местонахождения, следующую фразу Шувалова: «Ваш симпатичный „Свободный мыслитель“ достоин своего дяди. Его книга не менее блестяща, чем Ваши „Письма“. Я очень доволен ею».⁸⁵

Но находка Лемке оставляла нерешенным вопрос о том, каким образом псевдоним «Свободный мыслитель» мог быть позже использован в «Народе» Стечкиным. Лемке высказывал по этому поводу предположение, что «по всей обстановке отношений Витте к „Народу“ и по содержанию статей „Свободного мыслителя“ они могли принадлежать все тому же Сергею Юльевичу».

Независимо от решения вопроса об авторстве статей, помещенных в газете «Народ», находка Лемке несомненно представляет большой интерес. Если полагаться на достоверность сведений, которыми он располагал, их следует рассматривать как свидетельство деятельного участия Витте в литературно-провокационной кампании «Дружины». Хотя Шувалов так лестно отзывался о сочинении Витте, ставя его на одну доску с «Письмами» Фадеева, в конечном итоге брошюра «Свободного мыслителя» не оставила сколько-нибудь заметного следа в общественной жизни пачала 80-х годов. Впрочем, и роль фадеевских «Писем» в политической борьбе того времени оказалась далеко не столь значительной, как на то рассчитывал их автор.

Однако литературные произведения Фадеева и общение с ним оказали несомненное влияние на формирование системы взглядов будущего министра финансов и председателя Совета министров.⁸⁶

⁸⁵ К сожалению, найти письмо Шувалова, использованное Лемке, нам не удалось.

⁸⁶ С. Ю. Витте считал себя душеприказчиком Фадеева. В январе 1884 г. в двух номерах своей газеты А. С. Суворин опубликовал большую статью о Фадееве (Незнакомец. Письма к другу. XLV—XLVI. Новое время, 3 (15), 4 (16) января 1884 г.). Витте сразу же откликнулся на эту публикацию письмом к Суворину. Витте сообщил, что в его распоряжении находятся все бумаги покойного и он мог бы предложить для «Нового времени» статью о Фадееве. (См.: С. Ю. Витте — А. С. Суворину, б. д. ЦГАЛИ, ф. 457, оп. 1, д. 719, л. 54). Однако Витте пришлось прибегнуть к услугам другой газеты. 8 и 10 января 1884 г. «Киевлянин» поместил на своих страницах статью с продолжением под названием «Несколько слов о Фадееве». Статья не была подписана, но достаточно самого поверхностного ее сопоставления с письмом Витте Суворину для того, чтобы обнаружить текстуальные совпадения. В «Киевлянине» Витте вступил

После смерти Фадеева Витте обратился с письмом к И. С. Аксакову, которым причислил себя к его сторонникам. «Вы представляете для меня редкое утешительное явление: самостоятельного (вне личных влияний) последователя того направления, которому служу», — отвечал Аксаков 18 сентября 1884 г.⁸⁷ Впоследствии Витте печатался в аксаковской «Руси» (известная нам его статья носила яркий славянофильский характер). К середине 90-х годов взгляды Витте претерпели значительные изменения, и он далеко ушел от славянофильских теорий, но признаки влияния славянофильских воззрений, в частности взглядов Фадеева, были в его деятельности несомненны (Витте и сам отмечал это в своих воспоминаниях).

Школа Фадеева не прошла для Витте даром. Земская тема всегда присутствовала в планах политических преобразований, когда бы Витте ни приходилось ими заниматься.

В этом смысле опыт политических исканий охранителей начала 80-х годов отразился на тактике Витте и его правительства в 1905—1906 гг. и на действиях других политических сил, занятых напряженными поисками различных путей спасения монархии Николая II.

в полемику с «Новым временем». В статье Суворина Фадеев был изображен человеком, всю жизнь сочинявшим по заказу и склонным к авантюризму. Витте готов был согласиться с тем, что вышедшая в 1874 г. книга Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем» написана «под влиянием находившейся тогда у кормила правления партии, олицетворявшей собою разбитые освобождением крестьян дворянские традиции». Но Витте решительно возражал против суворинской оценки «Писем о современном состоянии России». Витте упирал на то, что Фадеев в последние годы жизни совершенно пересмотрел программу, изложенную в книге «Русское общество в настоящем и будущем». По словам Витте, в начале публицистической карьеры Фадеева «традиционная дворянская жилка» мешала ему «мириться с реальными фактами, явившимися как следствие освобождения крестьян», но с годами эта черта «скорее характера, нежели мышления» Фадеева стала сглаживаться, и к 80-м годам Фадеев вовсе от нее освободился. В результате в «Письмах» Фадеев выступил уже «совершенно солидарным с воззрениями Самарина, Аксакова, Кошелева». «Нам даже кажется, что в этих письмах он, — писал Витте о Фадееве, — является более реальным и определенным, нежели эти последние замечательные деятели русской мысли». Из статьи Суворина можно было понять, что влиятельные покровители Фадеева беспочвенно обошлись с его последним сочинением, прежде чем предать его гласности (письма «смягчили, изменили, сделали из них докладную записку, потом в переработанном виде они явились в печати»). Витте не упустил случая продемонстрировать Суворину свою осведомленность, заметив, что для печати Фадеев в рукописи «собственнолично сделал те изменения, которые оказались нужными, и изменения эти известны».

⁸⁷ ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 394, л. 1—3.